

Игорь Потоцкий

«Опять случилось чудо...»

* * *

Есть грусть во мне – она не от простуды,
есть сумерков очерченное действо,
есть груды слов, оставленные детством,
где ожиданье музыки и чуда.
Есть март, где снег и мартовские всплески
отчаянья, когда вновь ветер резок,
лицо твое напоминает фрески,
и вновь страшит случайный перелесок.
И все твои заклятья и проклятья
не стоят неба синего, где снова
не солнце убегает от объятий,
а только верно найденное слово.

* * *

Мой старенький отец перед смертью читал с балкона
стихи, его голос звенел, как соловьиное соло.
Его голосу подпевала деревьев крона,
и он, казалось, был снова наивен и молод.
Он читал Пастернака и Михаила Светлова –
стихи о ребе, он забыл стихи о Каховке
и Гренаде, и четким было каждое слово,
как будто отпечатанное на листовке.
Голос его звенел над Таирово, достигал Молдаванки,
в такт ему пели платаны на Пушкинской звонко.
Его небритое лицо не было лицом задаваки,
а ликом улыбающегося ребенка.

Он уже ничего не помнил – только поэтов строчки,
только гул морских волн, совсем не воинственный.
И строчки стихов сплетались в цепочки –
ради самой главной, ради единственной.

* * *

Ты обещала показать свой дом,
где все твое – обиды и печали,
где часто по ночам светло, как днем, –
все лампочки в особенном накале.
Я верю в то, что ты – прекрасный гид,
недаром жду твоих я объяснений.
(Подумаю, какой прекрасный вид –
там, за окном, где фонари и тени.)
Вот твой диван, вот стол, вот книг ряды,
вот вздох мой о тебе – он еле слышен,
как будто рыбы открывают рты,
а волны плавники едва колышут.
Я рыбою опять скольжу по дну
и весь уже настроен я на чудо,
что все увидел я в твоём доме,
хоть в нём я не был и не скоро буду.
Там чучела не ведают мытарств,
там чудеса, как призраки, летучи,
там ты меня излечишь без лекарств
и музыку сыграешь без созвучий.

* * *

Опять случилось чудо:
мир менее жесток –
грохочет ниоткуда
стремительный поток.

Мне ничего не надо,
шуми лишь, как ветла,

под этим водопадом,
чья музыка светла.

В ней каждая октава
из солнечных лучей,
листва, кусты и травы
заместо трубачей.

И ты, лицом светлея
и доверяя снам,
становишься добрее
ко мне и небесам.

* * *

Господи, в этом городе все наоборот –
лжец стал политиком, паяц начальником,
красивая девушка принца уже не ждет,
потому она такая печальная.

Город живет прошлым – он весь в тенях:
Бабель и Паустовский, Ильф и Катаев.
Расстрелянного налетчика тень на всех углах
семафорит и медленно-медленно-медленно тает.

Некто мастерит стишок, некто лепит горшок,
некто несет в банк золотые червонцы.
Философ на голову больше не сыпет песок,
газетчик – никому не нужен – более не продается.

Игрок несет взятку, мечтая разбогатеть,
некто стоит на страже, о себе заботясь.
Смех идиотам полезен. Город на треть
из идиотов, у которых свое болото.

Нет великих артистов, художников и плутов,
для культуры наглухо закрыты ставни.

Актеры на сцене разыгрывают дураков,
они и сидят в зале, один из них главный.

Он вместо чтения предпочитает бокс,
он не признает оперы и не любит балета,
он, в сущности, совсем маленький божок,
но себе кажется Большим Богом в два с лишним метра.

Господи, в этом городе...

* * *

Хорошо, что ты играешь разные роли,
и пускай твой театрик провинциален,
ты на сцене погибаешь от 200-процентной боли,
а еще оттого, что твой режиссер бездарен.
Он дает советы о мимике и сценречи,
а потом уходит в свой кабинет с бутылкой,
и когда он уходит, ты видишь: горбятся плечи,
а еще – на губах его злая-презлая ухмылка.

Я твоим любовником не был и, верно, не буду,
хоть о нас распускают сплетни две-три актрисы,
что красивы, печальны, доступны блуду,
все им кажется, что я от любви к тебе задымился.
Распускают о нас они нелепые слухи,
что тебя я недаром в своих стихах прославляю,
что с тобою одною изведаль любовные муки,
а потом полетел (я, увы, до сих пор не летаю).

Если честно, мне на днях эротический сон приснился:
ты летала по комнате, была абсолютно нагою,
и твоей красотой, как летней грозью, упился,
а потом надо мною ты заговорила листвою.
Все в стране моей плохо, исковеркано и нелепо –
богатеют пройдохи, нет денег у прочего люда,
а правительство дарит надежду, как звездное небо,
где летают кометы с надеждой на новое чудо.

Ты не стала моей. Мне близки твои роли. Засмейся удивительным смехом, приходи ко мне в платьице летнем с оголенной спиной, на бурный роман не надейся, но отринь поскорее все мрачные слухи и сплетни. Подари мне прогулку и свет фонарей молчаливый, состоящий из множества пылких сонетов Петрарки, и один поцелуй, и один только жест суетливый, и деревьев ряды, что застыли, как стражники, в парке.

А потом ты уйдешь. Ночь покажется сразу чернее. Город вытоптан ратью чужою, летевшей незримо, словно ветер, по всем площадям и безлюдным аллеям... Мне спасти тебя надо, поверь, это необходимо! Я бегу к тебе, только унынию не поддавайся...

